

УДК 002(092)Соколов А.В.
 ББК 78.0дСоколов А.В.
 DOI 10.25281/2072-3156-2024-21-1-4-15

Ю.Н. СТОЛЯРОВ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА — ФУНДАМЕНТ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ПАМЯТИ АРКАДИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СОКОЛОВА)

Юрий Николаевич Столяров (1938–2024)*,
 Российская государственная библиотека,
 Центр по исследованию проблем
 развития библиотек в информационном обществе,
 главный научный сотрудник
 Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия

Научный и издательский центр «Наука»
 Российской академии наук,
 главный научный сотрудник
 Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997, Россия

доктор педагогических наук, профессор
 ORCID 0000-0002-9597-4275; SPIN 7795-3767
 yn100@yandex.ru

Реферат. В статье прослежена эволюция взглядов выдающегося культуролога, документолога и библиотековеда Аркадия Васильевича Соколова (10.02.1934–16.11.2023) на интегральную науку, обобщающую многие родственные дисциплины. Сначала он отводил эту роль информатике, затем библиофутурологии, возлагая надежду на

то, что в будущем российской книжности вос-
 торжествует «библиотечный гуманизм» — глав-
 ный стержень и целевая установка всего научного
 творчества А.В. Соколова. В 2019 г. он поднялся
 на новый уровень абстракции, заключив, что те-
 оретическим обобщением выведенных из понятия
 ноосферы понятий библиосферы и документосфе-
 ры является библиософия. К 2020 г. А.В. Соколов
 начал исследовать явление библиотечной постсо-
 временности. Все это делалось им для того, чтобы
 на фундаментальном общетеоретическом уровне
 обосновать понятие гуманистической книжной
 культуры, противостоящей культуре цифровой.
 А.В. Соколов отстаивал концепцию, что биб-
 лиотека — это гуманистический оплот нации,
 а цифровизация (информатизация, автоматиза-
 ция) — вспомогательное средство для укрепления
 книжной культуры как базисной ценности куль-
 туры.

Ключевые слова: Аркадий Васильевич Соколов,
 культурология, библиологос, книжная культура, гу-
 манизация, цифровизация, библиосфера.

Для цитирования: Столяров Ю.Н. Книжная куль-
 тура — фундамент цивилизации (памяти Аркадия
 Васильевича Соколова) // Обсерватория культу-
 ры. 2024. Т. 21, № 1. С. 4–15. DOI: 10.25281/2072-
 3156-2024-21-1-4-15.

* Статья поступила в редакцию в ноябре 2023 г. при жизни
 Ю.Н. Столярова.

Аркадий Васильевич Соколов (10.02.1934–16.11.2023) широко известен как выдающийся библио-тековед, библиографовед, информатик, ноокоммуниколог, философ, но был замечен и в качестве культуролога, он выступал докладчиком на Международной конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (1995) [1], автором статей «Культура и информация: методология сопоставления» в сборнике статей по методологии и организации информационно-культурологических исследований (1997) [2], «Общепрофессиональный курс “Теория и история социально-культурной деятельности как центр междисциплинарного взаимодействия”» (1997) [3] и других, общим числом 28. Наиболее значительное произведение среди них – монография «Феномен социально-культурной деятельности» (2003) [4], а также статья «Изучение русской культуры: от общих представлений к глубокому постижению самобытного феномена» [5].

К началу 2020-х гг. А.В. Соколов синтезировал свои прежние концептуальные позиции и свел их к понятию Библиологоса [6; 7]. Со ссылкой на культуролога В.А. Щученко он утверждал, что христианское представление о Логосе как первопричине мира входит в теоретическое поле культурологии. А.В. Соколов ввел и обосновал понятие Библиотечного Логоса, показал, что ему присущи, по крайней мере, два атрибута: должный уровень умственного развития и нерушимая связь магии книги с человечностью. Библиотечный Логос он связал с русской литературоцентричностью, дал собственную трактовку цифровой версии Библиологоса.

Вершиной научного творчества А.В. Соколова и одновременно самой последней его работой стала монография «Думы о Библиологосе – Книжном Разуме: библиологическое эссе» [8]. В этом труде прослеживается весь ход его мысли, приведший к главному итогу всей творческой жизни: в основе цивилизации находится книжный разум, понимаемый как единство двух начал человеческой культуры: материи в виде изделия «книга» и духа в виде живого человеческого мышления, или идеального предмета «разум». Для культурологии здесь важен вывод о том, что одной из фундаментальных основ культуры является книга. В совокупности со второй фундаментальной составляющей – разумом – она образует Библиологос, или Книжный разум. Если культурологи примут этот взгляд, то им придется кардинальным образом пересмотреть исходные методологические основы культурологии, и прежде всего философию культуры, ее первое направление – рассмотрение культуры в аспекте проблемы совершенствования разума.

Проследим логику рассуждений автора, приведшую его к столь значительному выводу.

Неологизм «Библиологос» А.В. Соколова производил от древнегреческих слов «библио» («книга») и «логос» (слово, мысль, смысл, понятие; в широком смысле – разум в его целом). Целостность человека как личности и человечества как космического субъекта воплощена в Книжном разуме, ибо книжные фонды – итог познавательной деятельности людей, а чтение книг – надежный путь приобретения разумным человеком желанных знаний. Чтобы удостовериться в объеме человеческого разума, достаточно обратиться к многомиллиардным фондам книг, хранящимся в наших библиотеках, о которых один из ярких европейских мыслителей XX в. Карл Раймунд Поппер (1902–1994) говорил, что если будут уничтожены все наши машины и орудия труда, а также все субъективные знания и навыки, позволявшие пользоваться ими, но сохранятся библиотеки и наша способность читать и понимать книги, т. е. сохранится Книжный разум, то цивилизация имеет шанс восстановиться. Книжный разум является гарантом взаимодействия различных миров Вселенной. Книжная культура, исходя из концепции К. Поппера, оказывается рядоположенной с понятиями первого мира (мира физических явлений) и второго мира (ментального). Культурологам предстоит осмыслить значение этого вывода для понимания собственного статуса и воздать должное тому, кто обратил на это внимание и дал этому феномену теоретическое объяснение.

В настоящее время, по мысли А.В. Соколова, возникла парадоксальная ситуация: умножая технологическую мощь, человечество становится заложником адских орудий массового уничтожения, которые само же изобретает. Не менее важны нарастающий экологический кризис и ухудшение климата. Биологическому роду *homo sapiens* угрожает антропологический кризис, выражающийся в патологических мутациях генофонда человечества. Глобальные масштабы приобретают геополитические холодные и информационные войны, международный терроризм. Человечеству угрожают: вырождение и духовная деградация населения, этические деформации, беспредельное эгоистическое корыстолюбие и аморальное потребительство, утрата во всех слоях общества чести, совести, стыда. Стали ощутимы дисфункция книжного чтения и отток читателей из общедоступных библиотек; сокращение книгоиздания и деформация книжного рынка (преобладание пошлой коммерческой культуры, постоянный рост цен на книги, вытеснение интеллектуальной литературы); кризис ретроспективного библиографического поиска, свертывание библиотечных сетей, вытеснение книжной культуры цифровой экономикой и культурой. В этих условиях интеллектуальной вакциной, предоставляющей ресурсы книжной культуры (в том числе религию, литературу, искусство, науку, философию), может

Обложки трудов А.В. Соколова

стать именно Библиологос. Если человечество этого не осознает, мы уже в середине текущего столетия свалимся в пучину хаоса и деградации.

Однако оснований для уверенности в торжестве разума у нас нет. Российская книжность, представляющая собой национальную библиосферу, переживает глубокий кризис. Бумажная книга дорога нам не как товар, а как ценность, как символ нашей культуры, равного которому у нас нет. Именно книжное, интеллектуально-экзистенциальное, а не досугово-развлекательное чтение формирует духовно развитого и социально ценного человека.

Геополитические задачи, решаемые российским Библиологосом XXI в., особенно осложнились после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции России по спасению людей, демилитаризации и денацификации Украины. Конфронтация между «коллективным Западом» во главе с США

и олицетворяемым Россией «русским миром» приобрела форму «столкновения цивилизаций», защищающих противоположные ценности всеми военно-политическими, финансово-экономическими и информационно-идеологическими средствами. Западные стратеги, рассуждая о глобальном устойчивом развитии человечества и либерально-демократических правах человека, стремятся превратить Россию в международного изгоя, чуждого мировой науке и искусству, лишенного доступа к культурно-историческому наследию и текущему диалогу культур. Крупнейшие мировые издательские фирмы отказываются обслуживать российские библиотеки; некоторые научные организации заявили о прекращении сотрудничества с Российской академией наук. Дискриминационные русофобские санкции вынудили российское образование отказаться от международного взаимодействия и приступить

к разработке собственной стратегии развития на долговременную перспективу. Россия оказалась в условиях нарастающего международного хаоса, разрыва исторически привычных экономических, информационных, культурных взаимосвязей. Не исключается перспектива длительной и тяжелой борьбы за выживание российского государства и общества в остроконкурентном и агрессивном мире.

В этой критической ситуации стал востребованным поиск конструктивной «русской идеи» — общенародной государственной идеологии, служащей не только для мобилизации духовных сил общества, но и в качестве практического инструмента внутренней и внешней политики. А.В. Соколов призывает российскую интеллигенцию, в том числе тружеников книжной культуры, включиться в разработку культурологической концепции Библиологоса. В этой концепции ключевую роль играет понятие «культурное наследие», осознаваемое как социальная память, представляющая собой движение ценностных смыслов в социальном времени от старших поколений к младшим. Культурное наследие может быть неовеществленным и передаваться в процессе межличностного общения (традиции, обычаи, фольклор) непосредственно, а может быть овеществлено, в первую очередь в знаковой форме. В последнем случае человечество имеет дело с книжностью, являющейся носителем и хранителем духовности, поэтому освоение актуальной человечности невозможно без обращения к книжным фондам Библиологоса.

А.В. Соколов признает, что в обществе всегда причудливо сочетаются человечность и бесчеловечность. Люди способны очеловечить бесчеловечную природу, но точно так же они могут социальное пространство и обесчеловечить. Столь же противоречива книжность, которая может быть носителем разума и глупости, правды и лжи, пробуждать творческие потенции социума, но вместе с тем она же способна разжигать конфликты, культивировать не добро, справедливость и труд, а ненависть и геноцид. Соколов предлагает ставить знак равенства между формулами человечности и книжности.

В трактовке понятия «логос» А.В. Соколов следует за Сергеем Сергеевичем Аверинцевым (1937—2004): «Логос — термин, означающий одновременно “слово” (или “предложение”, “высказывание”, “речь”) и “смысл” (или “понятие”, “суждение”, “основание”); при этом “слово” берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и “смысл” понимается как нечто явленное, оформленное и постольку “словесное”. Логос — это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен “отдавать отчет” и сама эта “отчитывающаяся” деятельность ума, и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; это противоположность всему безотчетному и бессло-

весному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке» [9, с. 277].

В первой главе (главы в соответствии с замыслом автора названы «думами») рассматривается зарождение библиосферы и Библиологоса с самого древнего времени. Автор опирается на биологические и археологические предпосылки мифологии, полагая, что древнейший период зарождения и становления цивилизации можно рассматривать как предпосылку зарождения библиосферы. Сама же логоцентрическая культура возникает в период с конца II тыс. до н. э. по VII в. н. э. (зарождение ислама). Логоцентризм заключается в почитании священного Логоса (Абсолюта, Бога) как творца и обитателя логосферы. Главным когнитивным достижением многотысячелетнего каменного века и второй антропологической революции, одарившей неолитов документальной способностью — способностью овеществлять (фиксировать) символы с целью их сохранения и передачи в социальном времени и пространстве, автор считает изобретение письменности. Здесь примечательно смыкание предметов письменности и документологии, на которое, с апелляцией к авторитету П. Отле, я обращал внимание в «Истоках книжной культуры» [10, с. 14]. Благодаря письменности возникла историческая память. Освоение письма знаменовало зарождение технологии «библио...» и начало формирования библиосферы, открывшей дорогу к Библиологосу, который стал творцом литературного языка и национальной культуры, воплощенной в документах.

Основными центрами книжности на протяжении длительной истории были монастыри и кафедральные соборы, имевшие школы, библиотеки и скриптории. В XII—XIII вв. в Италии (Болонья) и во Франции (Париж, Сорбонна) ими стали первые университеты, непременной частью которых была библиотека. Социальный статус Библиологоса изменился, и в крупных городах он стал функционировать как самостоятельная производительная сила. Согласно социальной эпистемологии, такие сущностные черты цивилизованного общества, как коммуникация, естественные языки, мораль, религия, фольклор, деньги, государство, являются результатом коллективного творчества, направляемого коллективным разумом. В ряд творческих институтов коллективного разума правомерно входит Библиологос в виде хранилища духовных ценностей, материально воплощенных в библиосфере. Так владеющее письменностью логоцентристское общество создает производительную силу в виде книжного разума, формирующего библиосферу. Его акторами являются профессионалы книжного дела, а также государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив.

Ручное книгописание ограничивало распространение библиосферы и реализацию духовного потенциала Логоса. Поэтому изобретение Иоганна Гутенберга явилось подлинной антропологической революцией Нового времени, открывшей в эре логоцентризма эпоху классического Библиологоса (рационального Книжного Разума), за которой последовала эпоха «неклассического Библиологоса» и затем эпоха «постнеклассического Разума», завершающая жизненный цикл книжной культуры.

Вся вторая глава (дума) посвящена рассмотрению классического Библиологоса в Европе и в России. Его хронологические границы охватывают XVII – начало XX века. Анализ строится на методологической позиции отечественного философа культуры Вадима Михайловича Межуева (1933–2019) [11] о целесообразности познания культуры с точки зрения как науки (культурологии), так и философии (философии культуры) и о наличии в идее целевой направленности (образа желаемого будущего). Соответственно этой позиции Библиологос реализуется в двух плоскостях: в культурологической плоскости чувственно воспринимаемых материальных явлений, ассоциируемых с книжностью («библио»), и в плоскости умозрительно-философски постигаемых разумных смыслов (знаний, умений, эмоций, желаний, фантазий), ассоциируемых с человечностью («логосом»). Здесь человечность олицетворяет антропологические, природно обусловленные знания, способности и умения библиоперсонала, а книжность включает технические средства, созданные в логосфере после изобретения письменности.

Идею классического Библиологоса выражает философско-культурологическая формулировка, в соответствии с которой Библиологос – научная идея, нацеленная на создание в цивилизованной логосфере междисциплинарного синтеза философского знания о человечности и культурологического знания о книжности. Междисциплинарный синтез мыслится как творческое взаимодействие философии и культурологии в процессе изучения человечности и книжности. С точки зрения политической экономии Библиологос цивилизованного общества является производительной силой в виде «людей, обладающих знаниями, производственным опытом, навыками к труду и приводящих средства производства в действие» [12], обеспечивая жизнеспособность социума в целом и его социально-культурных институтов.

Вместе с тем реалистическая философия, представляющая материю и дух как равнозначные и взаимобусловленные слагаемые бытия и усматривающая закон *единства идеальной и материальной субстанций* в произведениях письменности, в книжной коммуникации и культуре [13], показывает, что в свете этого закона Библиологос выглядит ге-

нетически как единство коллективного разума (рациональные знания о мире, менталитет, историческая память, морально-этические нормы) и его материального воплощения, включающего природные предпосылки и культурные изделия вплоть до искусственного интеллекта. В классическом Библиологосе приоритет отдается не техническим средствам, а человечности. Совокупность социально-культурных процессов сформировалась исторически в процессе социально-культурной эволюции человечества и представляет собой овеществленный Разум общества.

Эпоха Просвещения (XVIII в.) знала высоко развитых людей двух типов: человека экономического и человека разумного (литератора). Человек первого типа известен также как буржуа (третье сословие, помимо благородного дворянства и крестьянства). Он, по утверждению А. Смита, руководствуется только выгодой, это человек-эгоист. Из природы человека-эгоиста рождается обмен, поскольку он не делает подарков и если что-то дает, то как минимум требует эквивалентного возмещения. Таким образом, обмен, рыночная экономика, по А. Смигу, естественны для человека-предпринимателя. В отличие от него, человек разумный – в этическом плане антипод «человека экономического». Просвещенный XVIII век воззвал к гуманистическим идеалам разума, науки, свободной личности и предпринимательской инициативы. Были введены в оборот понятия «природы человека» и «естественных прав человека».

Промышленная революция ознаменовала начальную стадию техногенной книжной культуры как «творческой и коммуникационной деятельности человеческого общества, осуществляемой посредством символов в книжной форме» [8, с. 55]. Вторая промышленная революция (последняя треть XIX – начало XX в.) характерна развитием технических средств как транспортной, так и смысловой коммуникации (изобретение телеграфа, телефона, радиосвязи и т. д.). Получила распространение мифологема фаустовского человека, символизирующего западноевропейскую культуру, перерождающуюся в техногенную цивилизацию [14].

Российский классический Библиологос вырос из древнерусского почитания священных книг и обожествления письменного слова. Интенсивная и разнообразная издательская деятельность сочеталась с расцветом русской литературы, науки, философии, искусства, который принято называть Серебряным веком русской культуры. В этот период считалось (Александр Михайлович Ловягин, 1870–1925), что наука о книге в целом является отраслью более общей «науки об общении и культуре людей», т. е. отраслью теории коммуникации.

Идеи коммунистического равенства, мировой революции, марксизм-ленинизм в целом А.В. Со-

колов считал безусловно книжными, но полагал, что, когда революционеры-книжники захватили власть, оказалось, что взрастивший их литературоцентризм им не нужен. В духовной жизни был утвержден политикоцентризм, т. е. главенство принципа коммунистической партийности. Вольнолюбивый литературоцентризм был преобразован в псевдолитературоцентризм; непокорные писатели были репрессированы, а услужливые осыпаны материальными и моральными поощрениями. Библиосфера, созданная деятелями Серебряного века, была взята советской властью на вооружение и увеличена до колоссальных размеров.

Библиологос в нашей стране достиг классической завершенности тогда, когда библиотековедение обрело статус науки, т. е. в 1980 году [15]. В этот период советский Библиологос вступил в стадию неклассического существования, хотя нынешние интеллигенты-книжники слабо освоили культурное наследие классического Библиологоса Серебряного века.

Характерной особенностью неклассического библиотековедения стала методология информационного подхода, распространившаяся в 1970-е годы. Во времена перестройки библиотечные реформаторы решительно отвергли идеологическую миссию, отодвинули на второй план культурно-просветительную деятельность и отдали приоритет информационной функции.

В результате сложилось два понимания сущности библиотеки: 1) классическое, считающее библиотекой учреждение, обеспечивающее общественное пользование книгами и не допускающее «библиотеки без книг и без читателей»; 2) неклассическое, понимающее под библиотекой информационную службу, предоставляющую пользователям информацию (локально или дистанционно), и признающее «библиотеку без книг и без читателей» (проекты виртуальных или онлайн-библиотек). Появился новый антропологический тип — homo informaticus, вооруженный индивидуальными устройствами для мобильного доступа к цифровым ресурсам. Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная дума Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиосферы.

Большие надежды возлагаются на Национальную электронную библиотеку (НЭБ), которую А.В. Соколов назвал апофеозом технократической рациональности. Заявляется, что «благодаря НЭБ россияне, независимо от местожительства, получают дистанционный и полнотекстовый доступ ко всем хранящимся в оцифрованных фондах российских библиотек изданиям, от книжных памятников истории и культуры до новейших авторских произведений (разумеется, в рамках, установленных авторским

правом). Как ни парадоксально, но специально спроектированная “Национальная электронная библиотека” библиотекой не является, потому что она предназначена не для ориентации читателей в мире книг, а для совершенствования технологии доставки затребованных изданий. С точки зрения теории информационных систем проектируемая НЭБ — это информационно-вычислительная сеть, т. е. взаимосвязанная совокупность территориально рассредоточенных систем обработки данных, средств связи и передачи данных» [8, с. 68–69]. По своей сущности НЭБ является революционным технологическим преобразованием бумажной книжной коммуникации в коммуникацию электронную, но в забвении остается вопрос о мере интеллигентности Национальной электронной библиотеки, имеющий ключевое значение для российского Библиологоса. Правда и красота книжной культуры, порожденной традиционным российским литературоцентризмом, неразрывное единство интеллигентности и книжности в наши дни вызывают отторжение.

Содержание этического самоопределения интеллигента включает: а) альтруизм; б) толерантность; в) благоговение перед культурой. Книжность А.В. Соколов характеризует как ядро человеческой культуры, трепетная преданность книжной культуре — одна из черт, отличающих интеллигента от интеллектуала. В отличие от интеллигентов, интеллектуалы, согласно определению, руководствуются разумом, а не эмоциями и чувствами, им чужды моральные эмоции сострадания, привязанности, благоговения, чувства совести и стыда.

В качестве идеального образа российского интеллигента-книжника XX в. А.В. Соколов называет академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва (1906–1999), именем которого 2006 год — год его столетия — был объявлен «Годом академика Д.С. Лихачёва». Сам Д.С. Лихачёв всю свою жизнь изучал труды древнерусских книжников, был страстным поборником и хранителем книжной культуры. Достаточно вспомнить его замечательные слова: «Библиотеки — это центр культуры, самый основной наш культурный фонд, поэтому относиться к библиотекам нужно с особенной тщательностью... Библиотеки в ряду культурных ценностей нашей страны должны стоять на самом высоком месте» [16].

Третья глава (дума) посвящена неклассическому Библиологосу. Как считал А.В. Соколов, инициатором расширения пространства классической книжности выступил Поль Отле (1868–1944), который не только обосновал понятия «документ» и «документация», но и стал организатором практической документальной деятельности и автором трактата по документологии [17]. Появились основания говорить о документной культуре, в социальной смысловой коммуникации существующей параллельно с книжной культурой. Началась конкуренция между

культурой книжной и экранной. Многие годы возглавлявший Российский институт культурологии Кирилл Эмильевич Разлогов (1946–2021) определил экранную культуру как тип культуры, основным материальным носителем текстов которой является не письменность, а «экранность». При этом «основным признаком экранной культуры, качественно отличающим ее от книжной и приближающим ее к изначальному типу человеческих культур – культуре личного контакта, является динамический, ежесекундно меняющийся, диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером» [18; 19]. Этим подтверждаются слова Маршалла Маклюэна (1911–1980) о том, что XX век последовательно и настойчиво стремился освободиться от гутенберговского наследия. «И эта драматическая борьба альтернативных форм человеческого понимания и мировидения сделала нынешний век величайшим в истории, если говорить об искусстве и науке» [20].

Многим adeptам электронных технологий кажется, что для расцвета искусства и науки в глобальной постиндустриальной цивилизации достаточно преобразовать книжные фонды в электронные файлы и оцифровать кинематограф. Однако, как настоятельно подчеркивает А.В. Соколов, гутенберговский литературоцентризм сохраняет неоспоримые преимущества: «человек читающий» — более творчески и интеллектуально продвинутая личность, чем телезритель, потребляющий продукцию телеэкрана. Экранную культуру А.В. Соколов определял как творческую и коммуникационную деятельность, осуществляемую посредством аудиовизуальных сообщений в системе информационных технологий. Понятие информации потребовалось включить в дефиницию потому, что экранная культура обусловлена процессом информатизации индустриального общества.

Авторы информационной культурологии относят документологию, архивоведение, библиотековедение, библиографоведение, книговедение к информационным наукам, и, следовательно, книжная культура попадает в объем понятия «информационная культура». Стратегически мыслящие философы-информатики Константин Константинович Колин (род. 1935) и Аркадий Дмитриевич Урсул (1936–2020) занимались и занимаются перспективами ноосферогенеза — трансформации исторически сложившейся социосферы в ноосферу — сферу разума, в которой приоритетное место занимает коллективный общечеловеческий интеллект, управляющий коэволюцией природы и культуры. Для превращения человечества в ноосферную цивилизацию критическое значение имеют формирование ноосферного человека и создание принципиально нового типа культуры — ноосферной культуры, являющейся предвидимой вершиной глобально-эволюционных процессов во Вселенной. Для формирования ноосферного человека в услови-

ях ноокультуры должны использоваться фонды Библиологоса, в которых сосредоточено классическое (Гутенбергово) наследие человечества. Следовательно, есть объективная необходимость в сосуществовании электронной культуры и классического Библиологоса.

Информационные технологии, упрощая доступ к информации, обесценили усилия по приобретению знаний, а значит, и сами знания, стали способствовать распространению фальсификаций, мифов, манипуляций сознанием. Книжная культура более надежна, долговечна и достоверна, чем сообщения экранной культуры, и поэтому в библиотечном деле пропаганда культуры чтения важнее, чем предоставление прочих библиотечных услуг.

А.В. Соколов акцентировал внимание на том, что социальный статус книжной культуры в решающей степени зависит от государственной культурной политики. «Основы государственной культурной политики» признают необходимость усилить роль таких организаций культуры, как музеи, библиотека, архив, в деле исторического и культурного просвещения и воспитания, развивать книгоиздание и книгораспространение, совершенствовать инфраструктуру чтения.

Третья промышленная революция, начавшаяся в середине XX в., ассоциируется с информационной революцией, преобразующей индустриальное промышленное общество в постиндустриальное информационное общество (общество знания). Научно-информационная революция оказывается тесно связанной с книжной культурой, информационные технологии становятся производственной базой и основой социальной жизни информационного общества.

Но просвещение в информационном обществе оборачивается информацией, информация — рекламой, педагогика — манипулированием. Современное научное сообщество разделилось на два лагеря: лагерь технократов-максималистов и лагерь гуманистов-оптимистов. Максималисты утверждают, что компьютеры могут справиться с любыми задачами, которые имеют алгоритмы для своего решения и согласуются с физическими возможностями компьютеров. Мозг подобен своеобразному компьютеру, и все, что сейчас доступно мозгу, в частности сознание, станет со временем доступно компьютеру. Гуманисты уверяют, что сознание «вычислить» невозможно, поэтому компьютеры никогда не обучатся пониманию и творчеству и не смогут решать те задачи, которые требуют интуитивного подхода.

Библиотеки возникли как необходимое условие для развития человеческой цивилизации. Следовательно, глубинный смысл, оправдывающий существование библиотек, — это обеспечение перехода от дописьменного варварства к цивилизованной книжной коммуникации, и в этом заключается очеловечивание (гуманизация) общества. Гуманисти-

ческий смысл библиотечной профессии первичен, он — ее цель, а технологии вторичны, они всего лишь средства. Просчет информационных технологий виделся А.В. Соколову в том, что они совершенствуют средства в отрыве от целей, думая, что порталы оцифрованных данных сделают общество разумнее и цивилизованнее. Но гуманистический смысл библиотечной деятельности обеспечивает именно библиотечная интеллигенция. Другое технократическое заблуждение состоит в ошибочном убеждении, что в эпоху цифровой экономики без такой интеллигенции обойтись можно.

Библиотечная интеллигентность в трактовке А.В. Соколова — понятие не профессионалистское, а социально-этическое. Это интегральное качество личности, включающее гуманитарную образованность и книжную культуру, творческие способности, гуманистическое этическое самоопределение, осознание личной ответственности за культурный прогресс и развитие библиотечно-библиографического дела в стране.

С точки зрения неклассической техносферы важнейшими технологиями XXI в. являются искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные и облачные вычисления, которые считаются приметами четвертой промышленной или цифровой революции. Понятие цифровой культуры (электронной культуры, киберкультуры) трактуется либо локально — как конвергенция информационных технологий и социогуманитарного знания, либо экстремистски — как проект трансгуманистических изменений природы человека, знаменующий переход к искусственным формам жизни в духе утилитарного технократизма.

А.В. Соколов соглашается с библиотекведом Яковом Леонидовичем Шрайбергом (род. 1952), что робот не может выражать сущность библиотеки, поскольку эта сущность человеческа.

В последней, четвертой главе (думе) рассмотрены проблемы ноосферы и стратегии Библиологоса. Проследив эволюцию понятия ноосферы, он разделил определение философов Пьера Тейяра де Шардена (1881–1955) и Аркадия Дмитриевича Урсула (1936–2020): ноосфера — это «обусловленная космической эволюцией экологическая среда человека будущего, образованная постиндустриальной цивилизацией и гуманистической культурой» [11, с. 115]. Ноосферизацию он трактует как особую интеллектуальную революцию, озабоченную не производством «постчеловеческих киборгов», а развитием человеческого разума в качестве ответа на вызовы культурно-исторической эволюции. Человечество сегодня стоит на распутье перед выбором: ноосфера или некротсфера (царство разума или «царство мертвых»). Властвующая технократия озабочена выращиванием «цифросферного» человека и готовится превратить нашу планету не в «сферу разума»,

а в цифровую вселенную, тогда как задача состоит в воспитании поколения образованных, творческих, одаренных и этически ответственных людей.

Согласно выводу А.В. Соколова, эту задачу в состоянии решить профессиональные и непрофессиональные интеллигенты-книжники, владеющие основами книжной культуры и отождествляющие себя с Библиологосом. Именно они представляют собой коллективный разум, непосредственно участвующий в общественном производстве библиосферы. Материальные ценности Библиологоса — это документные фонды библиосферы, в которых воплощены результаты умственной деятельности современных и прошлых поколений, а также технические средства, служащие для создания, сохранения, распространения произведений письменности и полиграфии, включая радиоэлектронные и цифровые сообщения. Для решения этой задачи мало ограничиваться классическим библиотековедением или книговедением. Необходимо обновить все научные ресурсы, унаследованные неклассическим Библиологосом: филологические науки, психолого-педагогические и антропологические учения, информатику, социологию, социальную философию. Существующие нормативные документы, включая Стратегию развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года, важность этого обстоятельства во внимание не принимают.

Исходя из понимания Библиологоса как синтеза социальной группы интеллигентов-книжников и научно-практических знаний, необходимых для создания национальной библиосферы, предлагается, со ссылкой на постнеклассическую методологию Екатерины Васильевны Никоноровой [21], показавшей ключевую роль библиотек в устойчивом развитии культурного и человеческого капитала современного общества, учитывать оба эти фактора, и даются рекомендации по каждому из них.

В подкрепление своей позиции А.В. Соколов ссылается, в частности, на достижения документологии, в которой документ как социальный феномен понимается как вершина человеческой мысли и в ноосферном, и в материальном отношении. Автор дает собственное философское определение: документ — удостоверение человечности, существующей в социальном пространстве и историческом времени. Высказывается и отношение к новомодному в нашей научной отрасли течению — медиалогии. Его адепты вынуждены признать, что ни зарубежные исследователи, ни отечественные ученые не могут «понять природу, законы развития, основные характеристики медиа как сложного феномена» [22, с. 167].

В библиотековедении гуманистическую идеологию наиболее активно проводит библиотечное фондирование. Из деятелей книжной культуры особая роль отводится Николаю Александровичу Рубакину

(1862–1946), неустанно проповедовавшему культ книги и чтения.

Идеи А.В. Соколова действительно близки и созвучны концепции, в соответствии с которой движущей силой истории являются документские фуракции [23]. Культурологам предстоит проанализировать труды А.В. Соколова самым серьезным образом и с учетом отстаиваемых в них положений скорректировать исходные основания своей дисциплины. В частности, предстоит оценить тезис о том, что Книжный разум, или Библиологос, может быть реализован двояко: во-первых, как одушевленный — в виде социальных групп субъектов библиосферы; во-вторых, как овеществленный — в виде научных, учебных, нормативно-управленческих текстов интеллигентов-книжников, посвященных книжному разуму и культуре. Одушевленными субъектами Библиологоса, по представлению А.В. Соколова, являются профессионалы библиотечного, библиографического, книжного дела (практики, ученые, педагоги), государственные и коммерческие деятели, библиофилы, инженеры-полиграфисты, читательский актив. Но ведь, согласно самому идеологу Библиологоса, овеществленное культурное наследие в знаковой форме представляет собой книжность. Человечность запечатлена в книжности, являющейся носителем и хранителем духовности, поэтому освоение актуальной человечности невозможно без обращения к книжным фондам Библиологоса. Из этого следует, что книжная культура имманентно включает в себя Книжный разум. И значит, в дефиниции Библиологоса достаточно обойтись понятием книжной культуры.

Сам А.В. Соколов отмечает: «Если обратиться к “Энциклопедии книгочечя”, которую любовно составил писатель-педагог Анатолий Николаевич Чирва, можно узнать, что “книгу нельзя считать неодушевленной вещью, она несет в себе созидательный дух, обладает почти физической силой, изменяя основы человеческого бытия и сущностные качества человечности, воплощенные в Человеке. *Формулы человечности и книжности в сущности совпадают*” (курсив А.В. Соколова. — Ю. С.)» [8, с. 15; 24]. Тем более что момент человечности входит в данное автором определение: «Книга — долговременное портативное сообщение, выраженное человекочитаемыми знаками и предназначенное для передачи социально ценных духовных смыслов численно неопределенным аудиториям читателей» [11, с. 19].

В итоге исследования А.В. Соколов пришел к выводу, что человечество стоит у роковой черты, общество нуждается не в технологической, не в интеллектуальной, а в *новой* антропологической революции, которая сможет предотвратить надвигающуюся катастрофу. В результате предыдущих революций появлялись то непрактичные интел-

лигенты-гуманисты, то чересчур практичные прагматики-интеллектуалы, то фанатики или исполнители советской идеологии. Теперь же требуются люди интеллигентской формации. Он категорически против существующей практики, при которой в качестве конечной цели книжной коммуникации Библиологос отдает приоритет сервисологии, утверждающей маркетинг и обслуживание кредитоспособных пользователей [25; 26]. Символом библиотечного профессионализма в этом случае является не просвещение читателей, а дистанционное удовлетворение спроса на услуги в онлайн-режиме. Однако маркетинг, даже некоммерческий, плохо согласуется с традиционными идеалами распространения знаний, просвещения, внешкольного образования.

А.В. Соколов приветствует квалификацию государственной культурной политики как неотъемлемой части Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808», фактически имеющий силу федерального закона, утверждает книжную культуру в качестве ресурса национальной безопасности и поэтому предписывает «сохранение книги как вида печатной продукции, развитие отечественной традиции искусства книги», «сохранение библиотек как общественного института распространения книги и приобщения к чтению, принятие мер по модернизации их деятельности».

После долгих размышлений А.В. Соколов пришел к заключению, что профессионалами книжного дела гуманизм книжности ощущается на интуитивно-эмпирическом уровне. Книги облагораживают, и большинство российских библиотекарей — это стихийные гуманисты, самоотверженно и бескорыстно преодолевающие повседневную суету, объективные и субъективные противоречия российской библиосферы. Отвергая технократический утопизм, он призывает к безусловной необходимости сохранять традиционные гуманитарные ценности книжной культуры.

16 ноября 2023 г. Аркадий Васильевич ушел из жизни. В профессиональной научной периодике были опубликованы статьи, посвященные памяти ученого [27–29].

Характеризуя «Думы о Библиологосе», Н.К. Леликова констатирует, что эта книга «отражает междисциплинарное философско-культурологическое знание зарождения и динамики развития библиосферы (мира книжной культуры) и “книжного разума” (Библиологоса) в истории человечества и цивилизационной истории культуры России» [8, с. 174]. Широта, глубина и значимость культурно-фило-

софских идей А.В. Соколова ставит его в один ряд с такими крупными мыслителями, как Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) с его классификацией культурно-исторических типов, Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — автор классических «Очерков по истории русской культуры», Арнольд Исаевич Арнольдов (1915–2012), обосновавший принцип приоритетности культуры в общественном развитии и утвердивший культурологию как отдельную научную дисциплину.

Список источников

1. Соколов А.В. Социально-коммуникационная система наук и гуманитарное образование // Гуманитарная культура как фактор преобразования России : материалы Международной конференции / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург, 1995. С. 106–107.
2. Соколов А.В. Культура и информация: методология сопоставления // Методология и организация информационно-культурологических исследований : сборник статей. Магнитогорск, 1997. С. 34–37.
3. Соколов А.В. Общепрофессиональный курс «Теория и история социально-культурной деятельности как центр междисциплинарного взаимодействия» // Проблемы и перспективы гуманитарного образования в эпоху социальных реформ : доклады конференции / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Санкт-Петербург, 1997. № 10. С. 47–61.
4. Соколов А.В. Феномен социально-культурной деятельности. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2003. 203 с.
5. Соколов А.В. Изучение русской культуры: от общих представлений к глубокому постижению самобытного феномена // Русская национальная школа. 2008. № 1. С. 24–31.
6. Соколов А.В. Логос в российской библиосфере // Библиография. 2020. № 5. С. 34–45.
7. Соколов А.В. Рождение Библиологоса (к 100-летию Института книговедения) // Библиотековедение. 2021. Т. 70, № 1. С. 35–42. DOI: 10.25281/0869-608X-2021-70-1-35-42.
8. Соколов А.В. Думы о Библиологосе — Книжном Разуме : библиологическое эссе. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2023. 175 с.
9. Аверинцев С.С. Собрание сочинений : в 4 т. Киев : Дух і літера, 2006. Т. 3. София — Логос : словарь. 912 с.
10. Столяров Ю.Н. Истоки книжной культуры / под ред. В.Я. Рушанина ; отв. за вып. Т.Ф. Берестова. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2017. 500 с.
11. Межуев В.М. Идея культуры: очерки по философии культуры : монография. Москва : Университетская книга : Прогресс-Традиция, 2012. 403 с.
12. Политическая экономия : словарь / под ред. М.И. Волкова [и др.]. Москва : Политиздат, 1979. С. 313.
13. Реалистическая философия : учебник для вузов / под ред. В.Л. Обухова. Санкт-Петербург ; Пушкин : Химиздат, 2003. 383 с.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. Москва : Мысль, 1993. 663 с.
15. Ванеев А.Н. Когда в России библиотековедение стало наукой? // Библиосфера. 2016. № 3. С. 75–79. DOI: 10.20913/1815-3186-2016-3-75-79.
16. Лихачев Д.С. Интеллигентным притвориться нельзя // Д.С. Лихачев. Об интеллигенции. Санкт-Петербург, 1997. С. 43.
17. Отле П. Библиотека, библиография, документация : избранные труды пионера информатики. Москва : ФАИР-Пресс : Пашков дом, 2004. 348 с.
18. Разлогов К.Э. Введение в экранную культуру: новые аудиовизуальные технологии. Москва : Едиториал УРСС, 2005. 281 с.
19. Экранная культура. Теоретические проблемы / отв. ред. К.Э. Разлогов. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2012. 752 с.
20. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр, 2003. С. 406.
21. Никонорова Е.В. Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и ее оценка // Библиотековедение. 2017. Т. 66, № 1. С. 19–28. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-19-28.
22. Вартанова Е.Л. Теория медиа как перекресток научных подходов и методов // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 1. С. 165–176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176.
23. Столяров Ю.Н. Вначале был документ... (Документские фуркации — движущая сила истории) // Научные и технические библиотеки. 2013. № 10. С. 77–88.
24. Чирва А.Н. Энциклопедия книгочая : Книга. Читатель. Чтение. [2-е изд., испр. и доп.]. Москва : Мой учебник, 2008. 622 с.
25. Маркетинг библиотечно-информационной деятельности : учебник / В.В. Брежнева, Н.Ю. Дементьева, Н.В. Жадько [и др.] ; науч. ред. В.К. Клюев. Санкт-Петербург : Профессия, 2017. 239 с.
26. Брежнева В.В., Гиляревский Р.С. Информационное обслуживание : учебное пособие. Санкт-Петербург : Профессия, 2012. 365 с.
27. Столяров Ю.Н. Русский интеллигент-книжник Аркадий Васильевич Соколов // Библиография и книговедение. 2023. № 6. С. 61–68. DOI: 10.25281/2411-2305-2023-6-61-68.
28. Шрайберг Я.Л. Аркадий Васильевич Соколов (10.02.1934–16.11.2023) : [некролог] // Научные и технические библиотеки. 2023. № 11. С. 186–187.
29. Памяти Аркадия Васильевича Соколова // Труды ГПНТБ СО РАН. 2023. № 4. С. 115–116.

Book Culture is the Foundation of Civilization (in Memory of Arkady Vasilyevich Sokolov)

Yury N. Stolyarov (1938–2024)

Russian State Library, 3/5 Vozdvizhenka Str.,
Moscow, 119019, Russia

Scientific and Publishing Centre “Science”

of the Russian Academy of Sciences, 90 Profsoyuznaya
Str., Moscow, 117997, Russia

ORCID 0000-0002-9597-4275; SPIN 7795-3767;

yn100@yandex.ru

Abstract. *The article traces the evolution of views of the outstanding culturologist, documentologist and librarian Arkady Vasilyevich Sokolov (10.02.1934–16.11.2023) on the integral science, summarizing many related disciplines. At first he assigned this role to informatics, then to bibliofuturology, pinning his hopes on the fact that in the future of Russian books “library humanism” will triumph – the main pivot and target of all scientific work of A.V. Sokolov. In 2019, he rose to a new level of abstraction, reaching the concepts of bibliosphere and documentsphere derived from the concept of noosphere and concluding that their theoretical generalization is bibliosophy. By 2020 A.V. Sokolov began to investigate the phenomenon of library post-modernity. He did all this in order to substantiate at a fundamental general theoretical level the notion of humanistic book culture opposing digital culture. A.V. Sokolov defended the concept that the library is a humanistic stronghold of the nation, and digitalization (informatization, automation) is an auxiliary means to strengthen book culture as a basic value of culture.*

Key words: Arkady V. Sokolov, culturology, bibliologos, book culture, humanization, digitalization, bibliosphere.

Citation: Stolyarov Yu.N. Book Culture is the Foundation of Civilization (in Memory of Arkady Vasilyevich Sokolov), *Observatory of Culture*, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 4–15. DOI: 10.25281/2072-3156-2024-21-1-4-15.

References

1. Sokolov A.V. Socio-Communicative System of Sciences and Humanitarian Education, *Gumanitarnaya kul'tura kak faktor preobrazovaniya Rossii: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii* [Humanitarian Culture as a Factor of Russia's Transformation: Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, 1995, pp. 106–107 (in Russ.).
2. Sokolov A.V. Culture and Information: Methodology of Juxtaposition, *Metodologiya i organizatsiya informatsionno-kul'turologicheskikh issledovaniy: sbornik statei* [Methodology and Organization of Information and Cultural Studies: collected articles]. Magnitogorsk, 1997, pp. 34–37 (in Russ.).
3. Sokolov A.V. General Professional Course “Theory and History of Socio-Cultural Activity as a Center of Interdisciplinary Interaction”, *Problemy i perspektivy gumanitarnogo obrazovaniya v ehpokhu sotsial'nykh reform: doklady konferentsii* [Problems and Prospects of Humanitarian Education in the Era of Social Reforms: Conference Proceedings]. St. Petersburg, 1997, no. 10, pp. 47–61 (in Russ.).
4. Sokolov A.V. *Fenomen sotsial'no-kul'turnoi deyatel'nosti* [Phenomenon of Socio-Cultural Activity]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gumanitarnyi Universitet Profsoyuzov Publ., 2003, 203 p.
5. Sokolov A.V. Study of Russian Culture: From General Ideas to Deep Comprehension of Original Phenomenon, *Russkaya natsional'naya shkola* [Russian National School]. 2008, no. 1, pp. 24–31 (in Russ.).
6. Sokolov A.V. Logos in the Russian Bibliosphere, *Bibliography*, 2020, no. 5, pp. 34–45 (in Russ.).
7. Sokolov A.V. The Birth of Bibliologos. To the 100th Anniversary of the Institute of Book Studies, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2021, vol. 70, no. 1, pp. 35–42. DOI: 10.25281/0869-608X-2021-70-1-35-42 (in Russ.).
8. Sokolov A.V. *Dumy o Bibliologose – Knizhnom Razume: bibliologicheskoe ehssse* [Thoughts on Bibliologos – Book Mind: a bibliological essay]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Institut Kul'tury Publ., 2023, 175 p.
9. Averintsev S.S. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 volumes]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2006, vol. 3. Sofia – Logos: dictionary. 912 p.
10. Stolyarov Yu.N. *Istoki knizhnoi kul'tury* [Origins of Book Culture]. Chelyabinsk, Chelyabinskii Gosudarstvennyi Institut Kul'tury Publ., 2017, 500 p.
11. Mezhuiev V.M. *Ideya kul'tury: ocherki po filosofii kul'tury: monografiya* [Idea of Culture: Essays on the Philosophy of Culture: monograph]. Moscow, Universitetskaya Kniga, Progress-Traditsiya Publ., 2012, 403 p.
12. Volkov M.I. et al. (eds.) *Politicheskaya ehkonomiya: slovar'* [Political Economy: dictionary]. Moscow, Politizdat Publ., 1979, p. 313.
13. Obukhov V.L. (ed.) *Realisticheskaya filosofiya: uchebnik dlya vuzov* [Realist Philosophy: textbook for universities]. St. Petersburg, Pushkin Publ., Khimizdat Publ., 2003, 383 p.
14. Spengler O. *Sunset of Europe. Essays on the Morphology of World History. Vol. 1. Gestalt and Reality*. Moscow, Mysl' Publ., 1993, 663 p. (in Russ.).
15. Vaneev A.N. When Does the Librarianship Became a Science in Russia? *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2016, no. 3, pp. 75–79. DOI: 10.20913/1815-3186-2016-3-75-79 (in Russ.).
16. Likhachev D.S. It Is Impossible to Pretend to Be Intelligent, *D.S. Likhachev. Ob intelligentsia* [D.S. Likhachev. About Intelligentsia]. St. Petersburg, 1997, pp. 43.

17. Otlet P. *Biblioteka, bibliografiya, dokumentatsiya: izbrannye trudy pionera informatiki* [Library, Bibliography, Documentation: Selected Works of the Father of Information Science]. Moscow, FAIR-Press Publ., Pashkov Dom Publ., 2004, 348 p.
18. Razlogov K.E. *Vvedenie v ehkrannuyu kul'turu: novye audiovizual'nye tekhnologii* [Introduction to Screen Culture: New Audiovisual Technologies]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005, 281 p.
19. Razlogov K.E. (ed.) *Ehkrannaya kul'tura. Teoreticheskie problemy* [Screen Culture. Theoretical Problems]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2012, 752 p.
20. McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2003, p. 406 (in Russ.).
21. Nikonorova E.V. Sustainable Development of Cultural and Human Capital: the Role of Libraries and its Assessment, *Bibliotekovedenie* [Library and Information Science], 2017, vol. 66, no. 1, pp. 19–28. DOI: 10.25281/0869-608X-2017-66-1-19-28 (in Russ.).
22. Vartanova E.L. Media Theory as a Crossroads of Scientific Approaches and Methods, *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], 2018, vol. 7, no. 1, pp. 165–176. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(1).165-176 (in Russ.).
23. Stolyarov Yu.N. In the Beginning There Was a Document... (Documentary Furcations — the Driving Force of History), *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2013, no. 10, pp. 77–88 (in Russ.).
24. Chirva A.N. *Ehntsiklopediya knigocheya: Kniga. Chitateľ. Chtenie* [Encyclopaedia of a Book-Reader: Book. Reader. Reading]. Moscow, Moi Uchebnik Publ., 2008, 622 p.
25. Brezhneva V.V., Dementyeva N.Yu., Zhadko N.V. et al. (eds.) *Marketing bibliotekno-informatsionnoi deyatel'nosti: uchebnik* [Marketing of Library and Information Activity: textbook]. St. Petersburg, Professiya Publ., 2017, 239 p.
26. Brezhneva V.V., Gilyarevskii R.S. *Informatsionnoe obsluzhivanie: uchebnoe posobie* [Information Service: textbook]. St. Petersburg, Professiya Publ., 2012, 365 p.
27. Stolyarov Yu.N. The Russian Intellectual-Bookman Arkady Vasilyevich Sokolov, *Bibliografiya i knigovedenie* [Bibliography and Bibliology], 2023, no. 6, pp. 61–68. DOI: 10/25281/2411-2305-2023-6-61-68 (in Russ.).
28. Shraiberg Ya.L. Arkady Vasilyevich Sokolov (February 10, 1934 – November 16, 2023), *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2023, no. 11, pp. 186–187 (in Russ.).
29. In Memory of Arkady Vasilyevich Sokolov, *Trudy GPNTB SO RAN* [Proceedings of SPSTL SB RAS], 2023, no. 4, pp. 115–116 (in Russ.).

Памяти Юрия Николаевича Столярова (1938–2024)

Главный научный сотрудник Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Международной академии информатизации скончался 22 января 2024 г. на 86-м году жизни.

Научное наследие Ю.Н. Столярова составляют более 1200 публикаций по проблемам общего библиотековедения, библиотечного фондоведения, подготовки библиотечных кадров, истории библиотечного дела, документологии, книговедения, информатики, культурологии. Неоценим его вклад в развитие библиотечного дела, науки, культуры, высшего образования. Юрий Николаевич активно сотрудничал с журналом «Обсерватория культуры», неоднократно был автором статей и рецензентом.

Ю.Н. Столяров был выдающимся педагогом и наставником. Его научную школу прошли сотни студентов Московского государственного института культуры, Высших библиотечных курсов Российской государственной библиотеки и других образовательных организаций. Под его руководством подготовили диссертационные работы и прошли успешную защиту 9 докторов и 42 кандидата наук. Ю.Н. Столяров за свой труд был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2007), грамотами и благодарностями Министерства культуры РФ и Российской государственной библиотеки, юбилейной медалью РФБ «Николай Петрович Румянцев – основатель Российской государственной библиотеки».

Отзывчивый и чуткий, исключительно доброжелательный человек – Юрий Николаевич всегда будет для нас примером безграничной преданности своей профессии и науке.